

ЭКОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИУМ

© 1994 г., ЭО. № 1

В. И. Козлов

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ (о проблемах экологического поведения)

Растущее значение социально-экологических проблем во всех странах мира и усиление внимания к этим проблемам, а также становление в нашей стране такой научной дисциплины, как этническая экология¹, побуждает к всестороннему рассмотрению этой тематики, прежде всего — к обзору и частичному анализу исторически изменявшегося взаимодействия общества в его этнических подразделениях со средой обитания, эволюции экологического поведения. Цель такого анализа — выявление как некоторых общих закономерностей, так и сильно дифференцированной специфики развития отдельных общностей, в том числе и таких, которые оказались в неблагоприятных условиях жизни, что сильно осложнило их развитие, а нередко и тормозило его.

Отмечу сразу же, что хорошо понимаю трудность предпринятой задачи как вследствие обширности хронологических рамок темы, так и вследствие того, что по многим проблемам, особенно относящимся к племенным обществам, среди ученых нет единого мнения. Ограниченные рамки данной статьи да и опасенье, что попутные дискуссии могут отвлечь внимание от стержневых проблем, побудили меня рассмотреть суть лишь некоторых дискутируемых вопросов, имеющих непосредственное отношение к тематике статьи.

Исторический экскурс целесообразно начать со времени появления на Земле человека современного биологического вида *Homo sapiens* (человек разумный), что произошло 40—50 тыс. лет назад. Существуют две гипотезы происхождения человека современного вида: моноцентрическая: согласно которой он возник на базе общавшихся друг с другом близкородственных популяций гоминид в довольно обширном регионе Ближнего Востока, и полицентрическая — человек появился в более отдаленных и более различавшихся независимых популяциях гоминид, обитавших в Африке, Европе, Восточной и Юго-Восточной Азии. По моему мнению, полицентрическая гипотеза, позволяющая более просто объяснить происхождение основных человеческих рас (европеоидной, негроидной, монголоидной и австралоидной), содержит слишком много биолого-генетических неясностей и проблем. Впрочем, по обеим этим гипотезам основные ареалы антропогенеза располагались в зоне субтропиков и тропиков, к природным условиям которых люди были изначально адаптированы, поэтому для анализа исторических аспектов этноэкологического развития различия между этими гипотезами не имеют важного значения.

Установлено, что человек современного вида вышел на историческую арену как существо, уже умеющее не только пользоваться каменными орудиями, но и изготавливать их, умеющее не только пользоваться огнем, но и добывать его, а также как существо с какими-то формами начальной социальной (родовой) организации². Первобытные мужчины занимались главным образом охотой, а в благоприятных для этого местах — рыболовством, в то время

как женщины и дети — собирательством съедобных растений, личинок и т. п. Охотники-собиратели адаптировались в своей деятельности к условиям окружающей среды. Вместе с тем они были частью тех же природных экосистем, как и жившие в них животные, и находились в полной зависимости от продуктивности флоры и фауны, которую они могли использовать. Используемые виды дикой флоры и фауны были довольно разнообразны, но люди не могли осуществить контроль за их естественным возобновлением, а лишь могли, подобно животным, расширять свой охотничье-собирательский ареал в случае недостаточной добычи и сужать его, когда добычи было много. В условиях стабильного погодного режима в тропиках и сравнительно небольших его колебаний в субтропиках, где первые группы сапиентов могли обходиться без одежды и стационарных жилищ, они вряд ли страдали и от нехватки пищи; в случаях сезонных колебаний люди могли переходить из одного биоценоза в другой. Этнографы, изучавшие жизнеобеспечение групп бушменов и австралийцев, живущих в довольно скудной по своим биологическим ресурсам среде, установили, что на добычу пищи путем охоты и собирательства у них уходило лишь 3—4 часа в день³; в более благоприятной среде для этого требовалось еще меньше времени. Постепенное совершенствование орудий охоты — от палицы, топора и копья к копьемуалке и луку со стрелами, способных поражать дичь на более далеком расстоянии, а также к духовой трубке с отравленными стрелами и такому орудию, как бумеранг, возвращающемуся после броска обратно к охотнику, — делало охоту еще более производительной. Очень надежным методом жизнеобеспечения в некоторых районах было и рыболовство.

Основные этапы истории взаимодействия первобытных людей с природой, т. е. экологической истории, были обусловлены, с одной стороны, расширением ареала (или ареалов) их начального обитания, процессом заселения людьми всех более или менее пригодных для жизни пространств суши, с другой — процессом развития орудий и других средств их трудовой деятельности по жизнеобеспечению, особенно же — переходом от присваивающего типа хозяйства (охота, собирательство, рыболовство) к производящему типу хозяйства (земледелие, скотоводство) и совершенствованием последнего. Такой переход, получивший название «неолитической революции», начался семь-восемь тысяч лет до н. э., когда почти вся эйкумена уже была заселена. Поэтому есть резон охарактеризовать вначале весь предшествовавший этому период «палеолита» и «мезолита» с его миграционными и экологическими проблемами.

Известно, что биологические способности человека адаптироваться к новым природным условиям, существенно отличающимся от природных условий в субтропических или тропических районах его происхождения, довольно ограничены и только развитие культуры, в первую очередь материальной, как основного средства небиологической адаптации, позволило ему обживать регионы земного шара, удаленные от тропиков и субтропиков, в том числе и области с экстремальными условиями. Возникает, однако, вопрос, а что же именно заставляло группы первобытных людей оставлять знакомые используемые ими районы и переселяться в соседние, малоизвестные, или отправляться в неизвестную даль, обходя на своем пути непроходимые горы, болота и пустыни, переправляться через крупные реки и т. п.? Особенно впечатляющим в этом отношении является история заселения Северной и Южной Америки, которые, как известно, не были прародиной сапиентов. Исходя из моноцентрической гипотезы происхождения человека получается, что менее чем за 10 тыс. лет люди добрались от Ближнего Востока до прибрежных областей Восточной Азии и оттуда двинулись на север — до Чукотки — и через нее на Аляску, чтобы начать оттуда длинный и длительный путь на юг — до Огненной Земли, с Тихоокеанского побережья — на Атлантическое и с открытых пространств — в глубины таежных и экваториальных лесов ранее не заселенных континентов⁴.

Изображение первобытных переселенцев какими-то отважными землепроходцами, любознательными открывателями новых земель, как иногда получается даже у серьезных авторов⁵, является данью романтике, но вряд ли соответствует действительности. Небольшие родоплеменные группы первобытных охотников, собирателей и рыболовов могли двигаться через огромные препятствия в неизвестную и уже потому страшную даль лишь под воздействием каких-то мощных факторов, угрожавших их существованию на старом месте. Одним из них мог быть страх перед возможным нападением сильных и жестоких соседей. Военные столкновения в первобытнообщинную эпоху случались, вероятно, довольно часто из-за похищения женщин, нарушения охотничьих границ, обвинения соседей в колдовстве, приведшем к смерти сородича, и т. п., но можно предположить, что столкновения по маловажным причинам каким-то способом улаживались, и только борьба за средства существования приводила к таким войнам на истребление, в результате которых в живых обычно оставались лишь женщины и младенцы побежденного рода или племени⁶.

Вторым мощным фактором миграций, отчасти связанным с первым, была угроза вымирания первобытного коллектива от голода вследствие узкокального или более широкого регионального экологического кризиса. Такой кризис мог быть обусловлен как сокращением ресурсов биоценоза (или биоценозов), которыми обеспечивалась жизнь этого коллектива, либо сильным увеличением численности коллектива при невозможности дальнейшего расширения границ используемой «экологической ниши». Рассмотрим оба эти фактора⁷.

Естественное оскудение природных ресурсов могло быть вызвано каким-то стихийным бедствием (извержением вулкана, наводнением и т. п.) или существенным изменением климата, хотя последнее применительно к тропикам и субтропикам представить довольно трудно. Оно могло быть вызвано и нарушением естественных балансов в биоценозе благодаря, например, внедрению в него откуда-то извне группы сильных хищников — своего рода врагов-соперников первобытных охотников, а также изменение прежних путей миграций копытных и т. д. Другая возможная причина этого — неразумное хищническое истребление тех видов фауны и флоры, которые составляли основу пищевого жизнеобеспечения первобытных коллективов. Такая экофобная деятельность вряд ли имела место в глубинах тропических лесов, но была вполне возможна на их окраинах и в ландшафтах саванного или лесостепного типа, где биологических ресурсов было меньше, результаты собирательства — менее стабильны, а результаты охоты на крупных копытных — более случайны. Это вызывало необходимость устройства, например, массовых загонных охот, в которых гибло много животных, в том числе самки с детенышами, причем в теплом климате мясо быстро портилось и за двумя-тремя днями пиршества вновь следовали полуголодные дни. О масштабах загонной охоты первобытных людей свидетельствует обнаруженная археологами стоянка первобытных охотников на диких лошадей (около 20 тыс. лет тому назад) у сел. Солютре (Франция), где полого поднимающаяся равнина заканчивается скалистым обрывом; судя по всему, стада лошадей подгонялись к этому обрыву и задние, тесня передних, сбрасывали их на камни; по обширной массе костей подсчитано, что добычей сравнительно небольшой группы охотников стало более 100 тыс. лошадей⁸. Существуют предположения, что многие виды животных, обитавших во время деятельности палеолитических и мезолитических охотников, например такие крупные травоядные Северной Америки, как верблюд, гигантский бизон, олень с ветвистыми рогами и др., исчезли лишь потому, что были полностью истреблены человеком.

Существенный фактор в развитии флоры и фауны того времени — пожары, устраиваемые первобытными людьми намеренно, например при больших загонных охотах, или возникавшие по неосторожности. Такую сторону чело-

веческой деятельности, вероятно, и имел в виду Ф. Энгельс, который выделил наряду с целенаправленной полезной практикой непредвиденные и в конечном счете вредные для их жизни действия, подчеркнув, что победы над природой имеют оборотную сторону, вызывая вначале желаемые, а затем непредвиденные негативные последствия, которые часто превосходят значение первых⁹. Систематические обширные пожары приводили к существенной смене растительности — влажные тропические и более сухие субтропические леса замещались кустарниковыми порослями, саваннами и степями с соответствующим изменением всех структурных элементов биоценозов. Некоторые авторы считают, что африканские саванны имеют пирогенное происхождение; то же самое относится к значительной части ландшафтов Австралии и особенно Тасмании, что, возможно, в немалой степени затормозило развитие обитавших здесь первобытных коллективов¹⁰.

Что же касается экологической роли фактора роста численности первобытных людей, то относительно ее имеется две основные гипотезы. Согласно первой, она была мала, так как люди эпохи палеолита были якобы своего рода первыми мультузианцами и достаточно сознательно регулировали свою численность, приводя ее в соответствии с природными ресурсами. В советской науке такую гипотезу особенно активно популяризирует демограф А. Г. Вишневский, который пишет, что в любой биологической популяции (в том числе и среди людей) существуют естественные механизмы, поддерживающие равновесие между процессом размножения и средой обитания и приводящие к состоянию «демографического гомеостаза». «Человечество, — по его словам, — начинает свой исторический путь в условиях исходного экологического равновесия, унаследованного им от прошлого» и поддерживает это равновесие «либо такими грубыми, но эффективными мерами, как аборт, детоубийство или пожизненное вдовство, либо посредством различных табу, запрещавших половые сношения в определенное время года. Стихийные бедствия, вредители и болезни брали у людей свою дань, но в целом узаконенное детоубийство, аборт и табу всегда давали древнему человеку способ регулировать рост популяции»¹¹. Согласно другой гипотезе, уже на самых ранних стадиях развития первобытного общества основные демографические установки были нацелены на поддержание возможно большей плодовитости и достижение большей численности первобытных коллективов, превышающей «демографический гомеостаз».

Насколько можно понять, сторонники гипотезы первобытного мальтузианства основывают свои рассуждения преимущественно на этнографических сведениях о жизни некоторых примитивных обществ, оказавшихся из-за неблагоприятных природных условий существования в состоянии длительной стагнации, прежде всего на сведениях о бушменах и австралийцах-аборигенах, поддерживающих свое жизнеобеспечение в небольших бродячих группах охотников-собирателей, которые передвигаются в пределах полупустынной территории. В таких условиях существования, разумеется, женщине трудно заботиться одновременно более чем об одном младенце, и пока тот не станет самостоятельно ходить, последующие новорожденные (возможно, до 50% от общего числа родившихся) оставались без присмотра и погибали. Не уверен, однако, что такое поведение можно квалифицировать как сознательное детоубийство. Что же касается абортов как средства ограничения детопроизводства, то у таких этнических групп они не были распространены, да и табу на половые сношения известны главным образом у более развитых обществ, причем имеют у них скорее сакральные, нежели экономико-демографические основания. Такие случаи никак нельзя изображать как общий закон демографического поведения в первобытном обществе.

Основываясь на исследованиях демографического поведения родоплеменных обществ и на рассуждениях большинства авторов, обращавшихся к демографическим аспектам жизни первобытных людей, можно заключить, что

людям, как и другим животным, свойственна сильная тенденция к размножению и увеличению численности, и в условиях высокой смертности, почти непреодолимой в ту эпоху, должны были быть выработаны в противовес установки расширенного воспроизводства, а не ограничения числа детей. К таким установкам относятся ранние браки и по существу универсальный охват всех женщин детородного возраста брачно-половыми отношениями (в том числе и путем допущения полигамии), а также почетный статус многодетных матерей (особенно при матрилинейном счете родства). В районах с природными условиями, сравнительно благоприятными для жизнеобеспечения, бродячая жизнь быстро уступала место полуседлой с более или менее длительными стоянками и даже оседлой (имеется в виду главным образом жизнь в пещерах), при которой входящие в коллектив женщины могли оказывать посильную помощь соплеменнице с детьми, а в случае ее гибели принимать на себя заботу о младенце¹². Сапиентам изначально было присуще сильное чувство коллективизма и взаимопомощи, особенно в своей родовой группе, и именно это обстоятельство определяло генеральную линию развития человечества. Следует сказать, наконец, и о том, что при стремлении к «демографическому гомеостазу» наши далекие предки так и не выбрали бы из ареала своего происхождения, не заселили бы территорию земного шара.

Разумеется, численность первобытных людей в течение многих тысячелетий увеличивалась крайне медленно; по имеющимся оценкам, к началу мезолита (15 тыс. лет назад) на земном шаре было лишь несколько миллионов человек¹³, что во много раз превосходило начальное число сапиентов (измерявшееся, вероятно, лишь несколькими десятками или сотнями человек), но означало лишь тысячные доли среднегодового прироста. При таких темпах прироста для утверждения о том, что фактор роста численности первобытных коллективов играл существенную роль в развитии миграций того времени, не было бы оснований, если бы не этнотерриториальная дифференциация прироста. Одни первобытные коллективы, попав в неблагоприятные условия существования, конечно, уменьшались в численности и даже полностью вымирали, другие — в благоприятных условиях жизни — быстро умножались в численности, и именно они-то и создавали тот эффект демографического давления, который в совокупности с другими факторами побуждал людей либо к переселениям, либо к изменению прежнего способа жизнеобеспечения.

Адаптация первобытных людей, переселившихся из субтропической зоны в зону с умеренным климатом, которому присуща сравнительно низкая среднегодовая температура и значительные колебания погоды по сезонам, проходила, как можно себе представить, с немалыми трудностями. Особенно сложной, несомненно, была адаптация к условиям зимнего сезона, когда часть промысловых животных могла откочевать или залечь в спячку, а собирательство становилось затруднительным из-за низких температур и снегопадов. Зимние голодовки людей в таких условиях были, вероятно, хроническими и нередко приводили к повышению уровня смертности и снижению темпов прироста населения. Поэтому можно предполагать, что зона умеренного климата в первобытнообщинную эпоху оставалась слабозаселенной; впрочем, сравнительно слабо заселена она была и в раннеклассовых формациях, а приполярная зона остается таковой до сих пор. Вместе с тем, как ни парадоксально, но переселение части первобытных людей в зону с умеренным климатом, где они для своего жизнеобеспечения должны были больше трудиться и быть более изобретательными, например в изготовлении одежды путем сшивания отдельных кусков шкур, в создании запасов пищи на зиму путем вяления, копчения или сушки и т. п., создавало благоприятные потенции для их дальнейшего прогресса по сравнению с тропическим поясом, где «слишком расточительная природа ведет человека, как ребенка, на помочах. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью»¹⁴. Однако для реализации таких потенций в то время еще не было должных условий.

Переход от присваивающего типа хозяйства (охота, собирательство, рыболовство) к производящему (земледелие, скотоводство), начавшийся, как уже отмечалось, семь-восемь тысяч лет до н. э. и получивший название «неолитической революции», произошел вначале в отдельных местах субтропического пояса, судя по находкам археологов, в некоторых областях Ближнего Востока, входивших в регион предполагаемого происхождения сапиентов. В. А. Шнирельман, обстоятельно рассмотревший этот вопрос, выделяет внутри этого региона шесть объединившихся позже микроочагов производящего хозяйства: восточносредиземноморский, северосирийский, юго-восточноанатолийский, южноанатолийский, загросский и закавказский¹⁵. Такой переход не был случайным и во всяком случае вряд ли объясняется, как это получалось у некоторых популяризаторов, привязанностью детей к неубитым детенышам животных, с которыми они играли на стойбищах, и наблюдениями женщин за прорастанием случайно оброненных зерен возле стойбищ. Он требовал нескольких условий или предпосылок. Первой из них является сравнительно высокий уровень развития орудий труда, знаний, социально-нравственных норм и других качеств, который был достигнут в период мезолита. Известно, что в случаях, когда переход к земледелию начинался в раннепервобытных общинах, его становление требовало нескольких тысячелетий (например, в горах Мезоамерики — от 8—7 тыс. до н. э. до 3—2 тыс. до н. э.). Второй — наличие животных, которых можно было одомашнить, и съедобных растений, которые можно было культивировать. Третьей предпосылкой такого перехода была, конечно, насущная потребность в нем, о чем следует сказать несколько подробнее.

Несомненно, что важной причиной перехода к производящему хозяйству был локальный экологический кризис, вызванный таким истощением объектов охоты и собирательства, которое поставило под угрозу дальнейшее нормальное существование увеличившихся численно первобытных коллективов и требовало изыскания средств как для увеличения количества пищи, так и для ее более регулярного получения; то и другое было достигнуто путем сознательного выращивания съедобных растений, разведения и селекционного отбора одомашненных животных. Такой переход не был, конечно, внезапным и быстрым; в течение более или менее длительного времени — в течение столетий в Малой Азии и тысячелетий в Мезоамерике — присваивающий тип хозяйства сосуществовал с производящим, но преимущества второго становилось все более очевидным, и он либо в результате независимого генезиса в новых регионах, либо путем культурного заимствования охватывал все новые и новые районы. Отмечу особо благоприятное влияние распространившегося земледелия на жизнь людей в зоне умеренного климата, так как спелое зерно выдерживало довольно длительное хранение и во многом обеспечивало питание людей зимой, когда другие источники пищи сокращались или исчезали. Вместе с тем переход к производящему хозяйству не был повсеместным. Он не состоялся в Австралии, где не было подходящих животных для одомашнивания и где некоторые подходы к культивации съедобных растений остались нереализованными, он прошел там по существу лишь первый этап, хотя земледелие стало зарождаться еще 3,5 тыс. лет назад. Именно неолитическая революция привела к тому, что развитие некоторых племенных обществ пошло более быстрым темпом, других — замедлилось или стабилизировалось, в результате чего они стали отставать от первых.

В задачу данной статьи не входит сколько-нибудь подробный обзор истории человечества после неолитической революции, в том числе процесса образования классов и сопряженного с этим процесса образования государств и т. д. Ограничусь лишь кратким анализом важнейших экологических проблем, связанных с социально-экономическим и культурным развитием человечества на его генеральном пути прогресса и некоторых отклонений от этого пути.

Экологическая ситуация, сложившаяся в ходе эволюции присваивающего хозяйства и во многом обусловившая переход к производящему хозяйству, в результате становления этого нового типа хозяйства начала существенно меняться. Это выразилось прежде всего в том, что люди, занявшись земледелием, стали создавать на месте естественных биоценозов, где различные виды растений и животных образовывали сложные сообщества, более или менее значительные участки всего лишь с одним или несколькими видами съедобных растений и загоны, где они пасли один или несколько видов domesticированных животных. Тем самым человек взял на себя задачу по созданию искусственных биоценозов и по поддержанию их при постоянной эксплуатации. Однако такой начавшийся процесс активного преобразования человеком окружающей его природной среды, способствовавший его устойчивому жизнеобеспечению, имел много негативных в экологическом отношении последствий, со временем нередко ухудшавших это жизнеобеспечение. Указанное замечание относится, например, к такому довольно широко распространенному виду земледелия, как «подсекальско-огневое», при котором деревья на определенном участке леса «подсекались» и засушивались, срубались (с частичной выкорчевкой) и сжигались, чтобы полученной золой удобрить землю, используемую для культивации съедобных растений. Через 2—3 года эксплуатации, когда земля истощалась, этот участок забрасывался и земледelec переходил к следующему, а предыдущий обычно зарастал уже не деревьями, а кустарником. Если учесть, что немалый урон лесу наносили и случайные пожары, а также рубка леса для строительства жилищ и для топлива, то нетрудно заключить, что за несколько тысяч лет такой земледельческой деятельности лесные площади сильно сокращались. Очень большой урон некоторым лесам был нанесен в античную эпоху, когда резко возросла потребность в древесине для сооружения не только жилищ — храмов и дворцов, а также больших весельных и парусных кораблей. Известно, например, что мощные кедровые леса, покрывавшие горы Ливана, были примерно наполовину вырублены только для строительства в Иудее храмов и знаменитого дворца царя Соломона, а также для развернутого судостроения в Финикии¹⁶.

Немало негативного в экологическом отношении принесло и развитие скотоводства, при котором несколько видов одомашненных «полезных» животных были как бы противопоставлены всему остальному животному миру. Дикие травоядные животные отеснились на худшие пастбища и оставались объектами интенсивной охоты, хищники, и прежде всего те, которые могли нападать на домашних животных, подлежали уничтожению. Подобно тому как продукция сельскохозяйственных растений, особенно на начальных стадиях развития земледелия, была намного меньше, чем прежняя продукция диких растений на том же участке, так и продукция животноводства была меньше, чем суммарно получаемая от диких животных, которые паслись и питались на таком же участке различными растениями, а это приводило к общему сокращению биомассы на единицу площади территории, к нарушению трофических цепей и ухудшению экологической обстановки. Нельзя не сказать и о большом уроне, который наносили природе некоторые виды домашних животных, особенно козы с их неприхотливостью к пище (в частности, употребление древесных листьев, веточек и коры молодых деревьев) и с умением взбираться на кручи и нижние ветви деревьев. Многие области Средиземноморья, в том числе большая часть Древней Греции, где хищники были почти полностью истреблены и козы могли беспрепятственно размножаться, были опустошены; стада коз уничтожили почти всю дикорастущую флору, превратив некогда зеленые пространства в обнаженную каменистую поверхность; этим они нанесли в конечном счете большой урон экономике и подорвали базу своего дальнейшего размножения.

Становление производящего хозяйства почти повсеместно приводило к окончательному переходу на оседлость (о возникшем позже скотоводстве

кочевого типа, не имевшем универсального характера, речь пойдет далее). А оседлая жизнь при достаточно надежном обеспечении питанием, в том числе и молоком от некоторых одомашненных животных, облегчила уход за детьми, уменьшила детскую и общую смертность, по крайней мере, от голода; с повышением плотности населения несколько возросла опасность распространения эпидемий, но они еще не переходили в пандемии. Возникшие же еще на стадии присваивающего хозяйства установки на высокую рождаемость стали подкрепляться большинством возникших в то время религиозных систем¹⁷. Поэтому, вероятно, всюду, где длительное время не было опустошительных войн, эпидемий и стихийных бедствий, где не было громадной массы рабов, солдат и священнослужителей, не участвовавших в процессе естественного воспроизводства, население возрастало, пока какое-нибудь новое социальное потрясение не нарушало этот рост.

Образование крупных многомиллионных скоплений населения в областях великих цивилизаций древности, где практиковалось земледелие с искусственным орошением, было в значительной степени связано именно с периодами их сравнительно спокойного существования. В Древнем Египте эпохи фараонов насчитывалось, как полагают, до 7 млн. жителей, в Вавилонии — 4—5 млн.¹⁸. В целом рост численности народонаселения мира после неолитической революции шел более быстрыми, хотя еще невысокими темпами. По имеющимся исчислениям на земном шаре за 5 тыс. лет до н. э. было всего 30—50 млн. человек, а к началу н. э. это число превысило 250 млн. человек, из них в пределах Римской империи находилось свыше 50 млн. (в том числе в Италии — 6 млн), примерно столько же было в Китае и немногим меньше в Индии, в то время как во всей Америке — лишь 5—10 млн. человек¹⁹. По сравнению с теперешними эти цифры представляются небольшими, тем не менее в некоторых регионах рост населения при том способе производства уже стал оказывать существенное давление на ресурсы.

Выше уже говорилось о том, что еще на стадии присваивающего хозяйства рост численности первобытных коллективов во многом стимулировал их развитие, побуждал часть из них перейти к производящему хозяйству. Высказываются предположения, что в условиях, когда первобытная культура еще не имела внутренних механизмов для движения и саморазвития, становление этих механизмов могло базироваться только на росте численности населения. «Такой подход, — пишет Л. Вишняцкий, — иногда квалифицируют как демографический детерминизм, но я думаю, что правильнее было бы назвать его демографическим или демографо-экологическим деизмом, поскольку подразумевается, что рост населения и природные изменения давали лишь исходный толчок, импульс для развития культуры и общества, сообщающая процессами адаптации начальную энергию»²⁰. При этом следует учесть, что занятие охотой и собирательством по сравнению с трудом ранних земледельцев во многих районах было более легким делом, давало более разнообразную пищу, больше свободного времени для ритуальной и иной нетрудовой деятельности, поэтому многие группы охотников-собирателей, обитая столетиями рядом с земледельцами или скотоводами и будучи достаточно знакомыми с их хозяйством, так и не восприняли его (например, бушмены у скотоводов-готтентотов)²¹. Все это приводит к заключению, что неолитическая революция, связанная со становлением нового способа производства, сочеталась с какой-то революцией в сознании людей, в том числе с психологическими установками экологического поведения.

Важным, если не важнейшим преимуществом производящего хозяйства даже на ранних этапах его развития, было укрепление связей первобытных коллективов с территорией их оседания и возможность многократного увеличения в ее пределах плотности населения по сравнению с той, которая была у охотников-собирателей. Численность жителей в поселениях земледельцев-скотоводов стала измеряться сотнями, в то время как на стойбищах

охотников-собираателей — измерялась лишь десятками человек. Такая концентрация населения способствовала усилению социальной (родоплеменной и общинной) организации и повышению военной силы коллектива, которая могла быть использована как для обороны, так и для нападения. Вероятно, именно эти преимущества жизни в более крупных коллективах во многом обеспечили победу производящего хозяйства, несмотря на принесенную им необходимость более интенсивного труда.

Другим важным преимуществом производящего хозяйства было то, что оно в принципе обеспечивало труженику более или менее стабильное производство прибавочного продукта, т. е. превышение производства над потреблением. На базе прибавочного продукта человек мог создавать запасы пищи (особенно в виде зерновых и бобовых), которые можно было использовать в случае очередного неурожая или падежа части скота; кроме того, такой продукт мог перераспределяться между членами коллектива, что создавало основу для социально-классовой дифференциации. Упомянутый выше Л. Вишняцкий считает, что в результате этого принцип непосредственной «пользы» уступает принципу «выгоды», и культура получает новый стимул для своего развития. Она перестает быть только средством адаптации к природе, а становится сама основной средой обитания, развивающейся по своим внутренним законам²², добавлю — не всегда рациональным.

Широко распространено представление о том, что на стадии присваивающего хозяйства люди были прирожденными, так сказать, экофилами и достаточно сознательно поддерживали экологическое равновесие в природе. Из приведенных выше фактов и рассуждений, относящихся к рассмотрению возможных факторов миграций первобытных людей, подобное экологическое поведение людей (логически ведущее к демографическому гомеостазу) представляется скорее исключением, нежели каким-то правилом. Конечно, отнюдь не все первобытные охотники истребляли животных столь активно, как обитатели стоянки у Солютре, но их экофильность вряд ли превышала «экофильность» львиного прайда, который обычно ограничивал свою охоту одной крупной добычей и, насытившись, как бы не замечал пасущиеся вблизи очередные жертвы. Известно, что хищники ведут своего рода выбраковку больных и слабых животных, что приносит даже пользу популяциям травоядных (убийство самок с детенышами к этому, конечно, не относится); санитарно-генетическая роль человека была, вероятно, меньше, так как некоторые применяемые им способы охоты (ямы, загоны и пр.) не щадили и сильных, здоровых животных. При этом более хищнический промысел вели, очевидно, охотники умеренного и приполярного поясов, не раз испытавшие зимние голодовки и старавшиеся во время сезонных миграций животных, особенно осенью, получить максимум добычи, значительно превышающий реальные потребности жизнеобеспечения. Такая практика еще недавно отчетливо прослеживалась, например, у тундровых охотников на дикого оленя — нганасан, а также у охотников на морского зверя — эскимосов и чукчей, которые нередко предпочитали охотиться за детенышами китов как более легкой добычей. Как ни странно, но такая экофобная охотническая деятельность сочеталась с экофильной собирательской деятельностью в тундре, при которой регламентировался срок сбора съедобных растений определенного вида, места их сбора и т. д.²³

Неразрывная связь первобытного человека с природой, его растворенность в природе отражалась в религиозных верованиях того времени, которые одухотворяли окружающую среду (анимизм), устанавливали кровнородственные отношения между тем или иным первобытным коллективом и каким-то видом животного, реже — растением или неодушевленным предметом (тотемизм) и т. д. В большинстве известных этнографам случаев тотемное животное нельзя было убивать и употреблять в пищу, но эту установку опять-таки вряд ли можно толковать как проявление сознательной первобытной экофильности.

Развернувшийся переход к производящему хозяйству с его начального

этапа стал существенно усиливать экофобные установки по отношению к природе. Конечно, человек был и оставался частью природы, но это было осознано позже и главным образом на высшем «философском» уровне; впрочем, и на нем «природа» зачастую отделяется от «общества» и так или иначе противопоставляется ему. На бытовом же уровне естественная природа почти всегда противопоставляется искусственной природе, т. е. культурной среде обитания. Земледельцы-скотоводы, как и их предки охотники-собиратели, понимали, что их силы несоизмеримо малы по сравнению со стихийными силами природы, и чувства своей беспомощности могли даже усилиться, так как теперь людские потери от засухи или наводнения могли измеряться сотнями и даже тысячами умножившихся в численности соплеменников. С этим связано более четко формализованное обожествление и одухотворение сил и явлений природы то ли в образах «богини Земли», «бога моря» или «богов ветра», то ли в образах локальных божеств и духов, вроде лесных дриад и речных нимф. В некоторых мифах и сказках проступают идеи о том, что даже животные, если к ним хорошо относиться, могут сослужить человеку службу (как серый волк — Ивану-царевичу). Однако массовое поведение людей определялось не сказками, а жизненными потребностями. Не представляя себе всех причинно-следственных экологических связей, в том числе и негативных последствий своих, казалось бы, рациональных действий, люди ради поддержания плодородия своего участка пашни или своего выгона для скота могли уничтожать всю окружающую «дикую» природу, и это, как уже отмечалось, вело к глубокому, порой необратимым экологическим кризисам. К. Маркс отметил, что «Культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыню»²⁴. Уместно заметить, что Маркс, разумеется, имел в виду разумно-плановое природопользование, и правота этой мысли, ощущаемая до сих пор, начала проявлять себя еще в далеком прошлом, на стадии перехода к производящему хозяйству.

Усиление экофобных тенденций в результате неолитической революции и последовавшего за ней становления классового общества стало определяться появлением и развитием таких форм жизнеобеспечения, которые следует отнести к иррациональным и даже абсурдным. Известно, что взрослому человеку для нормального функционирования нужно потреблять ежедневно пищу, содержащую 2000—3000 калорий (при соответствующем ее составе по белкам, жирам, углеводам, витаминам и микроэлементам), причем такие биологические нормы не изменились по существу за все время существования человека. Известно также, что человеку требуется определенная температура среды или средства для поддержания теплового баланса в виде одежды или топлива. То и другое более или менее легко обеспечивалось еще на стадии присваивающего хозяйства. Однако уже на этой стадии в некоторых племенных обществах практиковалось устройство обильных пиршеств (типа потлачей у североамериканских тлинкитов) по мотивам повышения социального престижа строителя²⁵. Со становлением производящего хозяйства витальные потребности начинают все чаще уступать место престижным мотивам, развитие общества стало идти по пути все большего потребления пищи и тепла, по крайней мере, частью населения. Обильные пиры, устраиваемые представителями высших сословий в Древнем Риме («лукулловы пиры») и в Китае, при дворе французских королей и персидских шахов и т. п., имели цель продемонстрировать знатность и высокое социальное положение того или иного человека. Одежда, появившаяся с целью согревания тела человека, стала теперь служить для обозначения его социального статуса и богатства, а потому варьироваться по материалу и покрою, богатству украшений и т. п., так что только тот человек, который мог адекватно ответить на требования принятой символики, достигал психологического комфорта.

Для характеристики эволюции экологического поведения довольно показательно изменение отношения к охотничьей деятельности. Даже уменьшение

к
ю
е;
ли
ка
де
и,
ли
к
я
С
е
и
х
о
ь
-
е
и
а
к

значения охоты в жизнеобеспечении, переход к производящему типу хозяйства не поколебал престижности охоты по сравнению с трудом земледельцев и скотоводов. Мотивы охоты в античном искусстве намного превосходят довольно редкие изображения труда земледельцев. В какой-то степени это обусловлено тем, что охота все более становится занятием избранных, преимущественно высших сословий; кроме того, охотник демонстрирует смелость, силу, ловкость и умение владеть оружием, т. е. качества особо ценимые в войне, а расширение военных столкновений в ту эпоху сделало такие качества особенно важными. Трансформация охоты из средства жизнеобеспечения в престижную забаву, в символ жизни избранных людей дошла почти до абсурда у правителей раннеклассовых государств (Египта, Персии и др.), устраивавших настоящие боины животных, которые сгонялись для них в удобное место.

Е. Черных, уделивший большое внимание роли социальной символики в жизни раннеклассовых обществ, пишет: «Узок и строго оконтурен скучными берегами витальный канал. После него поток самовыражения кажется безбрежным морем. Символы, заключенные в явствах и одеяниях, — лишь малая часть его. За ними длинной цепью тянутся дворцы и замки, гигантскими размерами, красотой и мощью олицетворявшие их владык; кафедральные соборы с покрытыми золотом главами демонстрировали величие божества и неизбывную любовь к нему народа; погребальные пирамиды говорили о непревзойденности фараона в царстве живых и мертвых. На их сооружение шли самые лучшие, ценные и долговечные материалы. Вслед за материально выраженными символами выстроились бесконечные ряды празднеств, ритуалов, манифестаций, мистерий, и о том, как много тратилось на них времени и энергии, мы можем лишь смутно догадываться». Иррациональность поведения проявлялась и в кровавых захватнических войнах, которые часто вели достаточно обеспеченные общества-государства, «сытые», как называет их Е. Черных, культуры, ощущавшие свою мощь и эту мощь желавшие утвердить... Первостепенной целью беспощадного грабежа покоренных соседей было вовсе не стремление выйти из витального кризиса. Награбленное становилось символом мощи, принадлежности к отмеченному неземной силой народу-победителю». От военных нашествий страдали прежде всего культурные ландшафты: многие процветавшие области, хозяйство которых держалось на искусственном орошении, подвергались опустыниванию из-за разрушения систем ирригационных каналов. Большой урон обычно наносился и «дикой» природе.

Пришедшие на смену первобытным или родоплеменным верованиям (анимизм, тотемизм, магия и фетишизм) так называемые местные или «национальные» (т. е. распространенные преимущественно внутри одного народа религии — иудаизм, брахманизм, конфуцианство и др.), а также мировые религии (буддизм, христианство и ислам) концентрировали основное внимание на духовном и небесном, а не на телесном и земном, а потому в большинстве своем не содержали каких-то правил экологического поведения. Существенно отличалась в этом отношении древнейшая из мировых религий — буддизм, в котором человек не противопоставлен природе, как в таких антропоцентрических религиях, как христианство и ислам, а является лишь высшей ступенью развития живых существ, вся жизнь которых, как и переход от одного «разряда» в другой, обусловлена действием общего для всех них принципа ответственности («кармы»). Единственным отличием человека от других существ является лишь его способность осознать такую ответственность и достичь высшего состояния освобождения от «кармы». Как пишет один из исследователей этого вопроса Н. В. Абаев, «буддийские нормы нравственного поведения включали в систему этических отношений не только „собратьев человека по разуму“, но и „братьев наших меньших“, всех живых существ. неэтичное безответственное отношение к которым влекло за собой столь же неизбежное наказание в данном или будущих перерождениях, как и причинение

зла человеку»²⁷. В. А. Шнирельман достаточно обоснованно предположил связь некоторого сокращения скотоводства в Южной Азии с распространением там буддизма²⁸.

Идеи буддизма об органическом единстве человека и природы, связанные с его учением о перевоплощениях души в различные существа, были восприняты некоторыми местными религиями, прежде всего джайнизмом (Индия) с его строгим запретом на убийство любого живого существа, даже насекомого, и даосизмом (Китай) с его культом явлений природы. Однако в наиболее оптимальном для взаимоотношения общества и природы виде они выступают в школе чань-буддизма, сформировавшейся в Китае в V—VI вв. н. э. Эта школа старалась избежать крайностей бережного отношения к природе (в джайнизме аскет обязан умереть с голода, но не нарушить запрет на убийство живого существа). Природа рассматривалась в чань-буддизме как равноправный человеку партнер, а это означало, что в определенных условиях, когда человеку необходимо обеспечить свою жизнь, например путем охоты, природа как бы должна предоставлять ему эту возможность. Что же касается человека, то он, как отмечает Н. В. Абаев, «обладая чувством ответственности за все живое и сознанием своей взаимосвязанности с природным целым, должен был понимать, что, нанося урон природе, он ранит и самого себя, что допустимо лишь из общих интересов эволюции всего сущего к более совершенным формам»²⁹. Таким образом, чань-буддизм стремился по возможности сохранять природные ресурсы, не уничтожая и не растрачивая их без особой нужды, даже если они имелись в изобилии.

В христианстве, воспринявшем идеи иудаизма о том, что только человек был сотворен «по образу и подобию Бога», проступает взгляд на человека как на господина природы, могущего поступать с ней так, как считает нужным, и только одобряемая христианством аскеза несколько сдерживала экофобные потенции, заложенные в этом принципе. В средневековом европейской искусстве природа обычно представлена довольно скупо и символично — как обрамление всеобщего духовного процесса или часть его. В большинстве европейских стран продолжался и даже усилился процесс вырубki лесов под пашню, для топлива, добычи древесного угля и поташа, для жилищного строительства и кораблестроения, особенно усилившегося с развитием морской торговли; этот процесс был несколько заторможен тем, что многие леса из общинной крестьянской собственности перешли к феодалам, стали использоваться как угодья для привилегированной охоты, но все же за десять столетий европейской средневековой истории (V—XV вв.) общая площадь лесов в Европе сократилась в три-четыре раза³⁰. Вырубка лесов, осушение болот привели к нарушению режима многих рек опять-таки с необратимыми экологическими последствиями. Когда в XVI в. из Европы, как основного региона распространения христианства, в заокеанские страны, особенно в Америку, отправились многие тысячи переселенцев, то они отнюдь не отличались экофильными чувствами и причинили покоренным ими народам и покоряемой ими природе огромный ущерб. Уместно заметить, что в сравнительно молодой мировой религии — исламе, возникшей в полупустынной Аравии, имеются некоторые экофильные элементы; в Коране предписывается, например, каждому мусульманину посадить в течение жизни 70 деревьев, но насколько реализовывались такие установки, сказать трудно³¹.

Развернувшийся начиная с XVII в. в Европе переход от феодализма к капитализму и начавшаяся с конца XVIII в. промышленная революция не привели к существенному изменению взглядов на взаимоотношение человека и общества с природой и в целом усилили в экологическом поведении более экофобные, нежели экофильные тенденции. В отличие от сравнительно замкнутой феодальной системы хозяйства, связанной с ограниченностью духовного мира человека и пропагандируемой церковью отрешенностью от земных благ, капитализм был изначально нацелен на расширение и интенсификацию

тностью не затронула основ традиционного хозяйства и культуры коренных народов этих регионов мира, не нарушила бытовавших там установок на многодетность, что и дало резкое увеличение естественного прироста до показателей, при которых численность населения могла удваиваться через каждые 25—30 лет. Уместно отметить, что таким приростом вот уже несколько десятилетий характеризуются республики-государства Средней Азии.

Высокие темпы роста численности населения во многих странах мира, казалось, стали долгожданным воплощением библейского завета: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю. Да страшатся и трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется по земле, и все рыбы морские: под вашу власть отданы они» (Кн. Бытия, гл. 9). Но составители Библии с их антропоцентрическими установками, очевидно, не знали экологических закономерностей и явно преувеличивали способность человека поддерживать экологическое равновесие в природе. Еще некоторые средневековые отцы церкви указывали, что библейскую заповедь о размножении людей следует толковать в ограниченном смысле, но к ним мало кто прислушался³⁴. Показательно, что известный английский ученый и священник Т. Мальтус был в начале XIX в. едва не отлучен от церкви за греховные идеи о том, что при безграничном размножении людей за столом природы может для кого-то не хватить мест, да и революционным мыслителям XIX в., в том числе К. Марксу и Н. Г. Чернышевскому, такие идеи показались «реакционными», способствующими якобы лишь оправданию бедности трудящихся³⁵. И только демографический взрыв середины XX в., резко обостривший проблемы обеспечения жителей многих стран мира продовольствием, по существу впервые за всю историю человечества привлек внимание не только крупных мыслителей, но и довольно широкие круги мировой общественности к идее об ограниченности природных ресурсов и важности учета экологических факторов; исключением были главным образом советские авторы, упорно твердившие, что голод в ряде стран Африки или, скажем, в Индии вызван действиями империалистических сил. Такая позиция стала меняться лишь в последнее время, когда стали все более ясно ощущаться негативные последствия демографического взрыва в республиках-государствах Средней Азии.

Вообще вторая половина XX в. стала временем экологического прозрения и вместе с тем привела к осознанию невозможности радикально изменить уже определившееся экофобное отношение к природе, обеспечить человечеству более или менее «светлое будущее». Люди овладели разрушительной силой атомной энергии и поставили себя перед угрозой тотального самоистребления; стали использовать атомную энергию в энергетических целях и встали перед почти неразрешимой проблемой захоронения радиоактивных отходов и возможностями повторения чернобыльской трагедии; развили бытовую химию и столкнулись с угрозой расширения озоновой дыры над Антарктидой, осознали важность сохранения лесов, особенно влажных экваториальных лесов, являющихся своего рода «легкими планеты», и довольно спокойно наблюдают за ежегодным уменьшением их площади, за наступлением пустынь и т. д., и т. п.

Ф. Энгельс в свое время писал: «Если человек наукой и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, поскольку он пользуется ими... независимо от какой-либо социальной организации»³⁶. Последнее замечание — особенно знаменательно, так как экологические проблемы характерны как для развивающихся, так и для экономически развитых стран, как для капиталистических стран, так и для стран «социалистических». Возникшие в Советском государстве экофобные тенденции были отчетливо выражены часто повторявшимися еще в недавнем прошлом словами известного биолога и селекционера И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Осуществление же таких тенденций проявилось в экологическом кризисе, возникшем в долине Волги после сооружения на ней каскада ГЭС и обширных

водохранилищ, в чрезмерной вырубке лесов и в других ухудшениях природной среды обитания; особо следует сказать об экологической катастрофе в Средней Азии, где нерациональный забор воды в реках, питающих Аральское море, привел к усыханию этого водоема с очень тяжелыми последствиями для обитавших в этом регионе каракалпаков, казахов и узбеков. Но если взаимоотношение людей и природы не определяется их «социальной организацией», то можно заключить, что оно определяется какими-то более глубокими общечеловеческими мотивами, обусловленными либо той способностью к абсурду, о которой говорил Б. Ф. Поршнев³⁷, либо возникшими противоречиями между высоким уровнем технико-энергетической вооруженности, связанной с обеспечением растущих потребностей людей, и низким уровнем осознания последствий своих экофобных действий. Так или иначе, но если эти противоречия не будут устранены, то человечество уже в XXI столетии вплотную приблизится к глобальной катастрофе, почти столь же ужасной, как атомная война или повсеместное распространение какого-то смертельного заболевания вроде СПИДа.

В сделанном мною обзоре генеральной линии основных исторических этапов взаимодействия общества и природы не было особой необходимости постоянно конкретизировать рассуждения примерами по отдельным народам мира; совершенно ясно, что экологическое поведение почти всех родоплеменных групп на стадии присваивающего хозяйства или почти всех более многочисленных этнических общностей, перешедших к производящему хозяйству, было во многом идентичным; восточно-славянские племена, обитавшие в лесной зоне, вели себя в экологическом отношении примерно так же, как их соседи — финноязычные племена, древние греки — как италики и римляне, а средневековые бургундцы — как баварцы. Существенно различались в этом отношении этносы с различными хозяйственно-культурными параметрами, например мотыжные земледельцы жаркого пояса и пашенные земледельцы умеренного пояса противостояли скотоводам-кочевникам степей и полупустынь. Однако и такие различия относятся более к формам взаимоотношения тех или иных этносов с природой, нежели к экофобно-экофильной сущности установок хозяйственного использования природной среды.

Несмотря на кажущееся обилие в народном фольклоре тематики, отражающей различные аспекты отношения к природе, к животным и растениям, и на использование, например, различных видов флоры (особенно цветов) в обрядах календарного цикла и в семейно-родовых обрядах, составить на этом основании четкую картину экологического поведения того или иного этноса довольно трудно. Некоторые традиционные приемы природопользования, например известное у русских и других земледельцев запрещение пахоты в поймах рек, носили скорее утилитарный, нежели мировоззренческий характер. Таковой мог проявиться главным образом в религиозных верованиях, и в этой связи целесообразно вновь отметить существенное различие между такими антропоцентрическими и в принципе экофобными религиями, как иудаизм и христианство, с одной стороны, и экофильными в принципе религиями, в которых человек считался лишь частью природы и в потенции должен был слиться с ней, как это проповедовали буддисты и, скажем, джайны.

Историческая этноэкологическая роль христианства освещена до сих пор явно недостаточно ни в западной, ни тем более в советской научной литературе. Есть основание полагать, что антропоцентризм христианства, особенно в протестантских церквях и сектах, способствовал оформлению капитализма; он же способствовал и соединению людей в общности национального типа, в то время как на востоке еще долгое время ведущую роль продолжали играть религиозные общности. Христианские народы дали миру промышленный капитализм, почти всемогущую науку и технику, однако не только не смогли уравновесить скрытые в этом экофобные тенденции, но и распространили

эти тенденции на страны и народы, имевшие более экофильные установки. Развертывавшийся по мере вестернизации процесс экофобизации неевропейских и нехристианских по своему происхождению народов мира идет очень сложным путем. Некоторые восточные народы, прежде всего японцы, активно восприняв западную науку и технику, старались сохранить прежние экофильные установки в самой Японии, но действовали экофобно вне ее, что отчетливо проявилось например в их китобойном промысле. Да и в западных странах в последнее время стали распространяться идеи восточных религий, например чань-буддизма, хорошо сочетающиеся с развернувшимися движениями партий «зеленых». Тем не менее численность народонаселения мира продолжает быстро увеличиваться, в развитии цивилизации проступают все новые и новые иррациональные мотивы, и преобладающие экофобные тенденции ставят человечество, как уже отмечалось, на грань экологической катастрофы.

Примечания

- ¹ См. Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии//Сов. этнография. 1983. № 1; см. также: Этническая экология. Теория и практика. М., 1991; Orlov B. C. Ecological Anthropology//Annual Rev. of Anthropology. 1980. V. 6.
- ² См. История первобытного общества. Т. 1—3. М., 1983—1988; Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986; Эпоха классового общества. М., 1988.
- ³ По этим вопросам жизнеобеспечения примитивных обществ см.: Lee R. B. The Doba Kung. N. Y., 1984. P. 31.
- ⁴ Подробнее см. Козлов В. И. Этническая экология и история аборигенного населения Америки//Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. М., 1989.
- ⁵ См. Зубов А. А. Человек заселяет свою планету. М., 1963. С. 47—63.
- ⁶ См., напр., War the Anthropology of Armed Conflict and Agression. L. Garden City, 1968.
- ⁷ В. А. Шнирельман дает подробную классификацию кризисных явлений, вызвавших переход первобытных людей от потребляющих к производящим типам хозяйства, но некоторые выделенные им виды («технологический», «экономический», связанный с изменением структуры обмена и др.) представляются скорее подвидами и к тому же не совсем подходят для объяснения причин дальних переселений. См.: Шнирельман В. А. «Диффузия идей». Кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах//Сов. этнография. 1991. № 2.
- ⁸ См. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С. 74.
- ⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 496.
- ¹⁰ См. Баландин Р. К., Бондарев Л. Г. Природа и цивилизация. М., 1988. С. 46—49.
- ¹¹ Вишняковский А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С. 24—26; см. также: Харрисон Дж., Уайнер Дж., Барникот Н. Биология человека. М., 1968. С. 414.
- ¹² Lorimer F. Culture and Human Fertility. P., 1954; Nag M. Factors Affecting Human Fertility in Nonindustrial Societies: a Cross Cultural Study. New Haven, 1962; Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969 и др. работы.
- ¹³ Ohling. Historical Outline of World Population Growth//World Population Conference, 1965. Beograd, 1965.
- ¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 522.
- ¹⁵ Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- ¹⁶ Ленкова Л. Оскальпированная земля. М., 1971. Гл. I—III и др.
- ¹⁷ См. Козлов В. И. Динамика численности народов. С. 148—182.
- ¹⁸ Reinhard M., Armengand A. Histoire general de la population mondiale. Paris, 1961. P. 13.
- ¹⁹ Ohling. Op. cit.
- ²⁰ Вишняцкий Л. От пользы к выгоде//Знание — сила. 1990. № 5.
- ²¹ Подробнее см.: Шнирельман В. А. Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии. М., 1987.
- ²² Вишняцкий Л. Указ. раб.
- ²³ См. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. С. 76 и др.
- ²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 45.
- ²⁵ См. Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология//Вестник Академии наук СССР. 1979. № 12.
- ²⁶ Черных Е. Символы древних культур//Знание — сила. 1989. № 9.
- ²⁷ Абаев Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в современном Китае. Новосибирск, 1989. С. 137.
- ²⁸ Шнирельман В. А. Доместикация животных и религия//Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 196.
- ²⁹ Абаев Н. В. Указ. раб. С. 138.
- ³⁰ Баландин Р. К., Бондарев Л. Г. Указ. раб. С. 108.

1.
X
и
В
и
Б
э
-
i
г

- ³¹ *Ленькова А.* Указ. раб. С. 21.
³² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 387.
³³ См. *Народонаселение стран мира. Справочник.* М., 1983. Гл. I.; *Население мира. Демографический справочник.* М., 1989. С. 6—7.
³⁴ *Historical Ecology. Essays on Environment and Social Change.* N. Y., 1980. P. 102—105.
³⁵ См. *Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959. С. 160—186.
³⁶ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 303—304.
³⁷ *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории // *Философские проблемы современной науки.* М., 1959.

The Historic Aspects of the Ethnosocial Ecology

People relations with the environment from the ancient times till now are considered in the article. A special attention is paid on evolution of ecological mentality depending on the development of material production (the evolution of economy) and culture, including different religions. The author stressed an uneven correlation between ecofilic and ecofobic orientations of different ethnos and the ecological problems of today, connected with this.

V. I. Kozlov

© 1994 г., ЭО, № 1

А. А. Тортика, В. К. Михеев,
Р. И. Кортиев

НЕКОТОРЫЕ ЭКОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ

В последние несколько десятилетий этнографы, историки и археологи, занимающиеся изучением кочевых обществ, все больше внимания стали уделять проблемам, стоявшим ранее за пределами компетентности исторических наук. Это, прежде всего, обращение к целой группе новых источников познания этих обществ, каковыми являются «физико-географическая среда и сами биопсихологические свойства человека»¹. Раскрываются такие источники в рамках экологии как науки о закономерностях сосуществования организма и окружающей среды. Человека и любое человеческое общество вполне можно интерпретировать как организм, вступающий во взаимоотношения с окружающей средой посредством того или иного хозяйственного механизма. Эффективность взаимодействия тем выше, чем полнее и многостороннее хозяйство приспособляется к условиям окружающей среды, по сути, реально сама его форма диктуется этими условиями², с чем связано, в частности, существование сходных хозяйственно-культурных типов (ХКТ) у различных народов, проживающих в одинаковых природно-географических зонах. В нашем случае таким ХКТ является экстенсивное кочевое скотоводство с внестойловым содержанием скота, характерное для населения аридных областей Евразии в течение длительного исторического периода: с I тыс. до н.э. до начала XX в., а местами и до настоящего времени³.

Рацион, благополучие отдельного человека и его семьи, обеспеченность, материальная культура и численность всего общества не могли выйти за рамки, детерминированные данными условиями и данным хозяйством, без изменения системы хозяйства (что длительное время было невозможно) или